

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в городе Бугульма (Татарстан). Окончила Орловский государственный педагогический институт. Работала учителем, преподавателем кафедры русской литературы Орловского госуниверситета. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Автор трех монографий и свыше 500 литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы.

Удостоена золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015), а также награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» за статьи-исследования творчества Ф. М. Достоевского.

Лауреат премий журнала «Зарубежные записки» (2014, номинация «Эссе. Литературная критика»), журнала «Наш современник» (2018, номинация «Литературная критика. Литературоведение»).

Член Союза писателей России. Живет в Орле.

С.Я. НАДСОН: ВЕРЬ В ВЕЛИКУЮ СИЛУ ЛЮБВИ!

Семён Яковлевич Надсон (1862–1887) – замечательный поэт, продолжатель лермонтовских и некрасовских традиций, оставивший свой яркий след на звёздном небосклоне русской литературы.

Судьба щедро одарила его поэтическим талантом, но отмерила слишком мало лет – всего 24 года. На 25-м году жизни Надсон скончался от чахотки. Он долго боролся с мучительным недугом, пережил несколько неудачных операций, однако в то время болезнь была практически неизлечима.

Умер от чахотки, умер одиноко,
Как и жил на свете, – круглым сиротой;
Тяжело вздохнул, задумался глубоко
И угас, прильнув к подушке головою.

Кое-кто о нём припомнил... отыскались
Старые друзья... его похоронили
Бедно, но тепло, тепло с ним попрощались,
Молча разошлись – и вскоре позабыли.

Так заранее хоронил себя 20-летний юноша-поэт в 1882 году. В этих предсказаниях он был недалёк от истины. Сегодня о его литературном наследии мало кто вспоминает, имя Надсона известно лишь специалистам и редким читателям – страстным любителям поэзии.

Между тем в 1880-е годы, на которые пришёлся расцвет творчества поэта, он был необыкновенно популярен среди своих современников. Надсон сумел лирически выразить мироощущение своего поколения, вот почему читающая публика с восторгом встречала каждое его новое стихотворение. Демократическая молодёжь видела в Надсоне своего кумира. Но душе поэта были чужды славословие и дифирамбы:

К чему мне шум похвал <и> гром рукоплесканий,
Когда никто из них всем чувством и душой
Не пережил со мной былых моих страданий
И не измучился житейской пустотой...

Поэтическое призвание для Надсона не поприще для собственной славы, а путь служения отчизне во имя её избавления от страданий и горя:

Не гонись за высотой призванья,
Не ищи заметного пути –
Верь, везде, где только есть страданья,
Честный труд немудрено найти.

О горестях и бедах молодой человек знал не понаслышке. Они буквально преследовали его чуть ли не с рождения. Ещё в младенчестве он остался без отца. Яков Семёнович Надсон – православный, крещённый при рождении еврей – умер, когда сыну было всего лишь два года. Мать поэта – Антонина Степановна (в девичестве Мамонтова), происходившая из старинного русского дворянского рода, – вынуждена была скитаться с маленьким сыном и младшей дочерью-крошкой по чужим людям и родственникам, у которых семья жила из милости. В десятилетнем возрасте Надсон лишился матери и стал круглым сиротой. Поразительно, что все эти неслыханные беды, выпавшие на долю ребёнка, не озлобили и не ожесточили его. Напротив – научили состраданию и любви:

О, спасибо вам, детские годы мои,
С вашей ранней недетской тоскою!
Вы меня научили на слово любви
Отзываться всей братской душою.
Истомивши меня, истерзавши мне грудь,
С глаз моих вы завесу сорвали,
И блеснул предо мною неведомый путь –
Путь горячей любви и печали...

Ранняя юность Надсона нанесла ему новый удар. Внезапно скончалась его любимая девушка. Поэт – в то время ещё 16-летний гимназист – посвятил памяти возлюбленной стихи, потрясающие трагической силой и глубиной скорби, «Над свежей могилой. Памяти Н. М. Д.», датированные 14 марта 1879 года:

Я вновь один – и вновь кругом
Всё та же ночь и мрак унылый,

И я в раздумье роковом
Стою над свежеею могилой:

Чего мне ждать, к чему мне жить,
К чему бороться и трудиться:
Мне больше некого любить,
Мне больше некому молиться!..

До конца своей короткой жизни Надсон трепетно хранил свою любовь во всей свежести юного чувства:

Горячее солнце так ласково греет,
Так мирно горит голубой небосвод,
Что сердце неволью в груди молодеет
И любит, как прежде, и верит, и ждёт;

Нет, видно, в эту ночь мне не задуть лампы!
Пылает голова. В виски стучится кровь,
И тени прошлого мне не дают пощады,
И в сердце старая волнуется любовь...

Он беседовал с возлюбленной в стихах, посвящал ей свои поэтические сборники.

Мне места не было за праздничным столом,
Но, посылая мне невзгоды и лишения,
Жизнь мне дала мечты в безмолвии ночном,
И звуки сладкие, и счастье вдохновенья...

Сберегая в сердце память о своей «Н. М. Д.» – Наталье Михайловне Дешевой, поэт был предельно деликатен:

Кто ты, – пускай они не знают,
Пусть толки суетных людей
Своей заразой не пятнают
Святыни памяти твоей.

После исторических потрясений 1881 года – убийства императора Александра II, казни народовольцев, последовавшей внутривосточной реакции, издания Александром III высочайшего «Манифеста о незыблемости самодержавия» – жизнь в России словно испуганно замерла, освободительная борьба почти полностью угасла. Большая часть мыслящей интеллигенции впала в состояние уныния и депрессии.

В этой обстановке появилось множество развлекательных литературных изданий, юмористических журналов – «Стрекоза», «Будильник», «Осколки» и другие, – целью которых было просто развеселить, позабавить удручённую публику.

Творчество Надсона противостояло этой тенденции. Поэт не отвлекал читателя от жестоких реалий жизни в России, отражая подлинные мысли и чувства людей своего времени – тоску, отчаяние, боль:

Мучительно тянутся дни бесполезные.
Темно в пережитом, темно впереди.

Тоска простирает объятья железные
И жмёт меня крепко к гранитной груди.

Нарастало томительное ощущение бессилия от невозможности изменить к лучшему общественное устройство, которое по-прежнему страдало от несправедливой власти, чиновничьей бюрократии, от её бездарного управления страной:

Дураки, дураки, дураки без числа,
Всех родов, величин и сортов,
Точно всех их судьба на заказ создала,
Взяв казённый подряд дураков.

Если б был бы я царь, я б построил им дом
И открыл в нём дурацкий музей,
Разместивши их всех по чинам за стеклом
В назиданье державе моей.

Эти стихи – горькая шутка. В большинстве произведений поэт всерьёз размышляет о своём вкладе в общее дело борьбы с угнетением и злом и приходит к неутешительному выводу: его поэзии не суждено «в тяжёлой мгле дорогу указать, Не ей надеждою блеснуть родному краю»:

Что значит мысль моя пред этим властным злом,
Пред стоном нищеты, пред голосом мученья.
Она изнемогла под тягостным крестом,
Она истерзана от скорби и сомненья.

Душевные и физические силы лирического героя истощены:

Уходит день за днём... На ряд пустых забот
Бесплодно тратятся порывы и усилья;
Редеет круг друзей, врагам потерян счёт,
Ум изнемог в борьбе, и одряхлели крылья.

Опустился туман и от взоров сокрыл
Пестроту суетливого дня.
Не поднять моей мысли опущенных крыл,
Я во мраке брожу без огня...

Не стало видно вокруг и настоящих, сильных борцов «за общее дело», готовых «для братьев, для отчизны» идти «на трудный бой с отвагою в груди»:

В ежедневных встречах с пёстрою толпою
Отрезвлённый жизнью от недавних снов,
Я уж не ищу их, пламенных душою,
Закалённых духом, истинных бойцов...

Несправедливо было бы утверждать, что честные, самоотверженные, славные люди исчезли совсем. Нет, такие личности ещё встречаются:

Она была славная девушка, – смело
Ты мог бы ей братскую руку подать,

Чтоб вместе бороться за общее дело,
И вместе трудиться, и вместе страдать...

Однако призывы «бороться», «трудиться», «страдать» звучат подобно гласу вопиющего в пустыне:

Ты проповедуешь в пустыне,
Ты от языческих богов
К иной, враждебной им святыне
Зовёшь фанатиков-жрецов...

В «угрюмой пустыне» порывы живых душ к добру и свету не находят отклика. Эта мысль представлена у Надсона в виде развёрнутой поэтической метафоры:

Душа наша – в сумраке светоч приветный,
Шёл путник, зажёт огонёк золотой, –
И ярко горит он во мгле беспросветной,
И смело он борется с вьюгой ночной.

Он мог бы согреть, – он так ярко сияет,
Мог путь озарить бы во мраке ночном,
Но тщетно к себе он людей призывает, –
В угрюмой пустыне всё глухо кругом...

«Многозвучное сердце» поэта раздавалось и в его стихотворных отрывках, зачастую незавершённых набросках, поэтически не отделанных «намёках». Чувствуя приближение смерти, Надсон торопился высказаться, излить накопившееся в душе:

Это не песни – это намёки:
Песни невмочь мне сложить;
Некогда мне эти беглые строки
В радугу красок рядить;

Мать умирает, – дитя позабыто,
В рваных лохмотьях оно...
Лишь бы хоть как-нибудь было излито,
Чем многозвучное сердце полно!..

Мотивы смертельной болезни, физического угасания, «истерзанной души» в лирике Надсона, автобиографические в своей основе, одновременно отражали всеобщие настроения упадка, угнетённости, скорби: «Тупая, мёртвая, гнетущая тоска...»

Тоска гнетёт меня и жжёт неутомимо,
Что день – то всё душней, всё тягостней дышать,
И с пёстрой суетой, мелькающею мимо,
Не властен я души, изверившись, связать.

Я жизни чужд давно... Всего, что увлекает,
Всего, что манит вдаль, проникнул я обман,
Хмель отбродил в крови, тревога остывает,
И только скорбь жива да боль недавних ран...

В предельной личной искренности поэта находили художественное выражение не только его частные, субъективные переживания. Они перерастали в проблемы общечеловеческие, философские; напоминали о тайнах бытия, загадках жизни и смерти:

Мне не больно, что жизнь мне солгала, – о нет.
В жизни, словно в наскучившей сказке,
Как бы ни был прекрасен твой юный расцвет,
Не уйти от избитой развязки.

Не уйти от отравы стремлений и дум,
От усталости, желчи и скуки,
И изнует душа, и озлобится ум,
И больные опустятся руки!

И всё же смертельно больной Надсон рук не опускал. Он сознавал, что «надо жить!», пока ещё возможно, хотя бы из последних сил:

Надо жить! Вот они, роковые слова!
Вот она, роковая задача!
Кто над ней не трудился, тоскуя и плача,
Чья над ней не ломилась от дум голова?

Поэт продолжал творить, перенося испытания, выпавшие на его долю, с необыкновенным мужеством и достоинством.

Нет, вам в лице моём не прочитает страданья.
Я скрыл в груди его, чтоб кто-нибудь не смел
Опошлить грубыми словами состраданья
Мой тяжкий, горестный, но мой святой удел.

Лирика Надсона получила горячее признание не только у самого широкого круга читателей. Его творчество было высоко оценено Петербургской императорской академией наук. В 1886 году, незадолго до смерти поэта, ему была присуждена Пушкинская премия – самая престижная в России того времени награда в области литературы. В тот же год Надсон создал воодушевляющие стихи:

Не говорите мне «он умер». Он живёт!
Пусть жертвенник разбит – огонь ещё пылает,
Пусть роза сорвана – она ещё цветет,
Пусть арфа сломана – аккорд ещё рыдает!..

Надсон появился на свет Божий незадолго до Рождества Христова. С особенной нежностью он любил этот святой праздник, посвящал ему свои самые светлые, задушевные стихи.

Так, в «Легенде о ёлке» (1882) воссоздаётся настоящая рождественская атмосфера тёплых, уютных, радостных Святков в кругу семьи у жарко натопленного камина:

Весь вечер нарядная ёлка сияла
Десятками ярких огней,
Весь вечер, шумя и смеясь, ликовала
Толпа беззаботных детей.

Кульминация весёлого праздника – рассказ о рождении Божественного Младенца:

В такой-то стране ароматною ночью,
При шёпоте лавров и роз,
Свершилось желанное чудо воочью:
Родился Младенец Христос.

Истинное чудо Рождества светится в трепетно-нежном стихотворении «Он спал, разметавшись в Своей колыбели...» (1884). Ново-рождённый Иисус, Богородица не названы прямо, скрыты за формой личных местоимений. Это позволяет воспринимать их образы, любовно согретые ласковой интонацией, как трактовку универсальной темы «мать и дитя»:

Он спал, разметавшись в Своей колыбели,
И тихо две тени к Нему подошли,
И долго стояли, и долго глядели
В раздумье на нового гостя Земли.
И взоры одной просияли любовью,
И, вся озарившись Небесным огнём,
Она наклонилась к Его изголовью
И тихо Его осенила крылом...

К Господу Богу обращался поэт в самые тяжёлые дни своей быстротечной страдальческой жизни. У Него одного искал спасения, молитвенно испрашивая творческих, духовных и физических сил:

Когда душа твоя истерзана страданьем
И грудь полна тоской, безумною тоской, –
Склонись тогда пред Тем с горячим упованьем,
Кто – кратость и любовь, забвеньё и покой.

Откинь в уме твоём возникшие сомненья,
Молись Ему, как раб, с покорностью немой –
И Он подаст тебе и слёзы примиренья,
И силу на борьбу с безжалостной судьбой...

Святая вера, горячее упование на бесконечную любовь и милосердие Божие поддерживали поэта. Своими стихами он вселяет эту веру сегодня и в нас:

Верь в великую силу Любви!..
Свято верь в её Крест побеждающий,
В её свет, лучезарно спасающий,
Мир, погрозивший в грязи и крови,
Верь в великую силу Любви!